

XIV «ЛЕОНТЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»: О СОЦИАЛЬНОМ ЛИБЕРАЛИЗМЕ, СВОБОДЕ И ЭТАТИЗМЕ

«**Л**еонтьевские чтения» — научная конференция, ежегодно проводимая Международным центром социально-экономических исследований «Леонтьевский центр» (Санкт-Петербург). Ее участниками становились лауреаты учрежденной «Леонтьевским центром» медали «За вклад в реформирование экономики», среди которых такие выдающиеся экономисты и политики, как Лешек Бальцеревич и Вацлав Клаус. 13—14 февраля 2015 года состоялись XIV «Леонтьевские чтения», которые были посвящены концепции социального либерализма, ставшей модификацией новой парадигмы в экономической теории — так называемой бихевиористской экономики.

Обзор XIV «Леонтьевских чтений» лучше всего начать с события, которое их завершало. Традиционно под занавес чтений вручаются медали «За вклад в реформирование экономики». На этот раз лауреатами медали стали бывший президент Бразилии (1995—2003) и выдающийся латиноамериканский социолог *Фернанду Энрике Кардоза* и декан экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова *Александр Александрович Аузан*. Поскольку как экономист Аузан хорошо известен, стоит отметить, что его отличает и многогранная общественная деятельность. В течение десяти лет (1992—2002) он занимал должность президента Международной конфедерации обществ потребителей (КонфОП). В 2004—2012 годах был членом Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. С 2000 года — президент Института национального проекта «Общественный договор».

На вручении медали лично присутствовал только Аузан, выступивший с традиционной лекцией лауреата. Она называлась «Эффект „колеи“ и проблема общественного договора». Лектор исходил из того, что переход на более высокую траекторию экономического роста (модернизация) связан с направленным сдвигом социокультурных характеристик, который может осуществляться средствами образовательной и культурной политики. Национальная формула модернизации: универсальные тренды социокультурного сдвига плюс специфический набор социокультурных характеристик, использование которого обеспечивает модернизационный эффект.

Эффект «колеи» образуется в результате случайного институционального выбора, закрепленного культурой (структурой неформальных институтов). Это и создает проблему модернизации. Социальный контракт (общественный договор) и есть тот «замóк», который удерживает страну в колее. Осознание и изменение общественного договора — условия выхода из «колеи». Критическими точками социального контракта являются соотношение ценностей элит и массового поведения, а также осознание населением налогов как цены общественных благ.

Как декан экономического факультета Аузан не мог не сказать о роли образования в деле формирования нового социального контракта. Проводя-

щиеся в двадцати университетах России обследование показывает, что образовательные компетенции воздействуют на формирование ценностей будущих элит и среднего класса. От себя добавлю: здесь вполне уместно вспомнить Кейнса с его всем известной фразой о том, что «рано или поздно именно идеи, а не корыстные интересы становятся опасными и для добра, и для зла».

Главное же внимание участников чтений было приковано к дискуссии между сторонниками концепции социального либерализма и ее оппонентами. Эта дискуссия явилась продолжением полемики, уже не первый год идущей на страницах журнала «Общественные науки и современность» (ОНиС). На этот раз те, кто «за», и те, кто «против», сошлись лицом к лицу. Получилось интересное продолжение заочного спора.

Начало было положено докладом *А. Рубинштейна* (ИЭ РАН) — основоположника теории социального либерализма в отечественной экономической науке и зачинателя дискуссии в журнале ОНиС. Его доклад назывался «Теория опекаемых благ и патернализм в экономических теориях: общее и особенное». Он развивал идеи исходной статьи и ряда других своих работ, из которых выделяется сравнительно недавно вышедшая в соавторстве с *Р. Гринбергом* книга¹.

В фундаменте теории опекаемых благ лежат три предпосылки: методологический субъективизм, методологический релятивизм и отказ от парадигмы «благодворящего государства». Первая означает, что каждый человек, в меру своего понимания, опираясь на субъективные ценности, действует в предлагаемых обстоятельствах субъективно оптимально. Докладчик даже ссылаясь на классиков австрийской экономической школы, видение человеческой деятельности которых отлично от узкой трактовки таковой в неоклассическом мейнстриме.

Ключевое значение для социального либерализма, на мой взгляд (*А.З.*), имеет вторая предпосылка. Это — присутствие так называемых комплементарных благ, к которым автор концепции социального либерализма относит общественные блага; блага, рождающие экстерналии; страдающие «болезнью цен» продукты Баумоля, издержки на поставку которых часто растут быстрее, чем их цены (сюда относят некоторые культурные блага, инновационные товары с повышенными рисками, товары и услуги в области знаний); а также мериторные блага. Все они, по мнению докладчика, требуют государственного вмешательства.

Третья предпосылка указывает на необходимость политической конкуренции в принятии коллективных решений, не допускающей «диктатуры большинства». Здесь рекомендации Рубинштейна близки к моделям конституционной экономики Дж. Бьюкенена или к конституции по Хайеку.

Наиболее полемичным был тезис о комплементарных благах и непосредственно связанных с ними автономных общественных интересах. Эти интересы не присутствуют в повседневной жизни людей, но важны для сообщества в целом. Распознать их и донести до политиков могут только наделенные особым дарованием люди (назовем их «знатоками»). Если эта операция удастся, то государство начинает воплощать этот нередуцируемый к индивидуальным общим интересам, преследуя его в своей деятельности.

¹ *Гринберг А. С., Рубинштейн А. М.* Индивидуум & Государство: экономическая дилемма. М.: Весь Мир, 2013. С. 480.

Своим выступлением Рубинштейн возродил извечный спор между «холистами» (к которым он, разумеется, относит и себя) и «индивидуалистами», не допускающими наличия каких-либо интересов вне индивидов.

В. Полтерович (ЦЭМИ РАН и МШЭ МГУ) не поддерживает крайности. Он полагает, что в мире (по меньшей мере в развитых странах) идет эволюционный процесс, в результате которого возрастает роль механизмов сотрудничества. Эта культурная трансформация, по его мнению, способна «стереть» провалы как рынка, так и государства. Социальный либерализм отражает лишь определенную стадию этого процесса, в ходе которого вырабатывается философия сотрудничества — так называемый коллаборативизм.

В. Тамбовцев (МГУ) определил социально-значимые блага (СЗБ) как частные блага со значительными внешними эффектами. Однако это не есть отражение объективных свойств вещи. СЗБ — искусственный социальный конструкт. Одно и то же благо может быть СЗБ, с точки зрения одних людей, и не иметь отношения к СЗБ — с точки зрения других. Если же функцию определять, что есть СЗБ, а что — нет, присваивает правительство, то открывается широкое поле для государственного произвола. В конечном счете действия правительства оказываются нацеленными на сохранение власть имущих в качестве таковых.

По мнению *В. Автономова* (НИУ ВШЭ, ИМЭМО РАН), социальный либерализм по Рубинштейну вроде бы не выходит за пределы методологического индивидуализма: добавляется еще один политически агрегированный «индивид». Докладчик сделал попытку примирить методологический индивидуализм и методологический холизм: они не могут быть эксклюзивными принципами социального исследования. На микроуровне более применим первый, на макроуровне — второй. При объяснении одного и того же экономического явления возможна конкуренция между подходами.

Согласно *В. Ковалеву* (Европейский университет, Вильнюс), принцип методологического индивидуализма в австрийской экономической школе не тождественен «оптимизаторской парадигме асоциального человека». Напротив, общественные институты влияют на экономическое поведение людей. «Человек институционализированный» (по Ходжсону) не противоречит человеку в понимании австрийской экономической школы. Что же касается социального либерализма, то необходимо установить: что отстает в нем от базового понятия «либерализм»?

А. Заостровцев (НИУ ВШЭ СПб) исходил из имеющегося в вышеназванной книге Р. Гринберга и А. Рубинштейна утверждения о том, что «в принципе любые товары и услуги могут в какой-то момент времени стать мериторными»². Это подтверждает тезис Тамбовцева о том, что в основе объявления благ мериторными лежит не некое их объективное качество, а произвольная трактовка заинтересованных в этом сторон. С точки зрения Заостровцева, право приписывать «мериторность» принадлежит бюрократии, группам интересов и избирателям. При этом избиратели и политики часто играют в одну игру: если политический механизм допускает перераспределение, то группе избирателей выгодно обеспечить себя каким-либо благом за счет всех, объявив его мериторным. Политики, рвущиеся к переизбранию, вполне могут поддержать их в этом стремлении. Бюрократии же распространение «мериторности» обеспечивает добавочные функции и раздутый бюджет.

² Гринберг А. С., Рубинштейн А. М. Указ. соч. С. 235.

В выступлении *А. Раквишвили* (МГУ) был дан сравнительный анализ социального либерализма и либерализма австрийской школы. Социальный либерализм выглядит как религия спасения. Либерализм же — это толерантность, а не религия спасения.

П. Усанов (НИУ ВШЭ СПб) подчеркивал непреднамеренные последствия социального либерализма. Согласно его точке зрения, социальный либерализм — это государственный интервенционизм. Усанов, возражая Полтеровичу, подчеркивал, что сотрудничество — столь же неотъемлемое качество капитализма, как и конкуренция.

С. Кирдина (ИЭ РАН) оценивала социальный либерализм с позиции разработанной ею теории институциональных матриц (X-Y теории). В коммунальной среде доминирует X-матрица, а в некоммунальной — Y-матрица. Соотношение в обществе институциональных матриц (X и Y) определяет институциональные формы контроля над экономикой. Термин «социальный либерализм» заимствован у стран с доминированием Y-матрицы. Поэтому маловероятно, что он станет у нас столь же распространенным, как в этих странах.

В своем докладе *Л. Якобсон* (НИУ ВШЭ) говорил о социальной политике с точки зрения доктрин и реалий. Согласно его позиции, либерализм — общее обозначение интенции к модернизации (более или менее) по западному образцу, социальный либерализм — общее обозначение стремления сочетать либерализм в указанном понимании с высокой активностью государства в социальной сфере. В качестве широкой платформы с неясно очерченными внешними и внутренними границами социальный либерализм адекватен реальному состоянию политики и при искренней критичности не предлагает ей значимой альтернативы.

Докладчик отметил, что в существующих обстоятельствах: (а) стремление разработать на платформе социального либерализма целостную многоаспектную доктрину социальной политики не слишком перспективно и даже опасно; (б) актуальна не столько умозрительная конкретизация содержания социальной политики, сколько дебюрократизация (посильная) механизмов ее формирования и имплементации; (в) не следует ни стесняться лоббирования партикулярных интересов, ни пытаться выдавать их за «подлинные общественные».

М. Урнов (НИУ ВШЭ) рассматривал социальный либерализм с точки зрения политолога. Он представил матрицу популярности различных идеологий среди политических и интеллектуальных элит на Западе и в России. Если на Западе идеологической доминантой является социальный либерализм, то в России это либо авторитаризм, либо либертарианство. Напротив, авторитаризм и либертарианство на Западе являются идеологическими маргиналиями, в России же маргинален социальный либерализм. Были отмечены причины непопулярности социального либерализма в России: (а) склонность к крайностям идеологического и политического выбора; (б) последствия многих десятилетий тоталитаризма — для одних социальный компонент избыточен, для других недостаточен; (в) коррумпированность и низкая эффективность работы государственных структур.

Н. Тихонова (НИУ ВШЭ) поставила проблему актуальности социального либерализма для России. Социум в России относится к разряду обществ, которые в науке принято называть неозакратическими (азиатскими). Основная черта таких обществ — гипертрофированная роль государства, которое высту-

пает в них «становым хребтом» и смыслозадающим актором. В то же время идеология социального либерализма, оставляя, как показывает опыт других стран, достаточно большие возможности для защиты классовых интересов элит, позволяет выработать тот тип общественного договора, который был бы приемлем также и для населения, а в перспективе — обеспечил бы России длительное устойчивое развитие и достойное место на международной арене.

В докладе *Д. Мельника* (НИУ ВШЭ) речь шла о перспективах социального либерализма в России. Сравнивалась свобода как ценность государственных чинов, «экономлибералов», а также иных социальных групп.

А. Афонцев (ИМЭМО РАН) обратился к проблеме экономического либерализма в условиях санкций. Одним из выводов было утверждение о необходимости развития конкуренции на стороне предложения политических решений для отсеечения стимулов к реализации *pet projects* и сверхценных идей («Не путай свою личную шерсть с государственной!»).

Доклад *Т. Малевой* (РАНХиГС) «Социальная политика в новых экономических условиях: государство, бизнес, население» был посвящен, в частности, подведению итогов. Констатировалось, что текущий экономический кризис носит системный и долгосрочный характер, поэтому тактика на рынке труда политики «переждать кризис» не будет оправданна. Нынешний кризис чреват не лавинообразным ростом безработицы, а затяжным и, по мнению докладчика, глубоким падением реальных доходов населения и заработной платы. Доклад включал не только позитивную, но и нормативную оценку ситуации, отвечая на вопрос: «Что делать?». В частности, необходимо следовать антикризисному принципу — поддерживать людей, а не предприятия. Также следует отказаться от традиционной политики удержания безработицы на низком уровне и переходить к политике гибкости рынка труда. Вместо консервации архаичной экономики требуется создание условий для ее реструктуризации.

Андрей Заостровцев

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник «Леонтьевского Центра»